

НАСЛЕДИЕ КРЕМЛЁВСКИХ
ВОЖДЕЙ

СВЕТЛАНА АЛЛИЛУЕВА

ДАЛЁКАЯ МУЗЫКА
ДОЧЕРИ СТАЛИНА

Наследие кремлевских вождей

Светлана Аллилуева

Далекая музыка дочери Сталина

«Алисторус»

1983

Аллилуева С. И.

Далекая музыка дочери Сталина / С. И. Аллилуева —
«Алисторус», 1983 — (Наследие кремлевских вождей)

Эта книга – повествование Светланы Аллилуевой о пятнадцати годах ее жизни в США, история женщины, порвавшей с родиной своего отца Иосифа Сталина, поисков и обретения после многих лет одиночества и разочарований своего места в западном мире, размышления об американском образе жизни, о людях, с которыми свела автора судьба. «... Я никак не могла попасть в ногу с остальными кремлевскими детьми и не поспевала в строю тех организаций, к которым мы должны были с детства принадлежать. Когда в университете меня тащили в партию, в двадцатитрехлетнем возрасте, я провалилась на экзамене по истории партии, что было большим конфузом для партийной организации университета. Вечно шагала я под свою собственную, индивидуалистическую музыку, под иной ритм...»

© Аллилуева С. И., 1983

© Алисторус, 1983

Содержание

Без маршей	5
Прекрасная и доверчивая	12
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Светлана Иосифовна Аллилуева

Далекая музыка дочери Сталина

Без маршей

Мне всегда слышался иной барабанщик.

Так было еще в СССР, когда я ходила в школу и училась в Московском университете. Я никак не могла попасть в ногу с остальными кремлевскими детьми и не попевала в строю тех организаций, к которым мы должны были с детства принадлежать. Когда в университете меня тащили в партию в двадцатитрехлетнем возрасте, я провалилась на экзамене по истории партии, что было большим конфузом для партийной организации университета. Вечно шагала я под свою собственную, индивидуалистическую музыку, под иной ритм...

Возможно, что это было наследством, полученным мной от моей романтической матери-идеалистки, а также от ее матери.

Но, может быть, это было также плодом воспитания в традициях русской классической литературы, созданной аристократией прошлого века, к которой мое поколение не имело ни малейшего отношения. Как бы то ни было, но мой индивидуальный барабанщик, который слышался только мне, спас меня от мерной поступи убежденных коммунистов.

Странная, отдаленная музыка не прекращалась с годами, напротив, она звала меня все дальше и дальше от Кремля, от обычаев советского общества и, наконец, увела меня за пределы моей родной страны. Но она продолжала звучать – слабая и далекая – и в свободном мире, где я жила, не позволяя мне присоединиться к среде эмигрантов и перебежчиков, вечно подсказывая мне что-то такое, чего не ожидали от дочери Сталина ни друзья, ни широкая публика.

И я привыкла жить с этой мелодией, полюбила мой собственный ритм и темп, хотя это часто приводило меня в закоулки, где блуждают одинокие индивидуалисты и мечтатели.

Но ведь только те, кто никогда не мечтает, любят шагать в колоннах под флагами, шагать на свою погибель, обреченные нашим жестоким веком. Они шагают в ногу, поют хором и подчиняются приказам как один, уставившись на знамя. И только индивидуалист с его одиноким усилием может повернуться и поплыть против течения к противоположному берегу – будь то в политике, в религии, в личной жизни или в любой области искусства. Но это нелегко.

Настоящий рассказ является продолжением моих двух автобиографических книг, хотя автобиография как таковая никогда не была моим намерением. Но также и не об Америке эта книга. Анализировать и оценивать Америку с политической или социологической точки зрения не является целью автора. Как и в прежних двух книгах, мой главный интерес прежде всего обращен к людям, к нюансам и подробностям человеческой жизни, ко всему, что объединяет Род Человеческий, к тому, что роднит нас всех.

События и факты, люди и города, описанные здесь, возникали на пути автора с естественностью движения, но не всегда были выбраны автором по его предпочтению. Они описаны здесь в том порядке, как возникали передо мною в течение пятнадцати лет жизни в США.

В большинстве случаев я не была в состоянии изменить тот поток жизни – могучий поток свободного, многообразного общества, – в котором мне предстояло плыть. Я не была к этому подготовлена моим уединенным «викторианским» воспитанием в Советском Союзе. Но я приняла эту перемену с радостью, полюбила ее и следовала течению событий – нравились мне они или нет.

Эта книга не история достижений и успеха, потому что подобные цели никогда не стояли передо мной. И это не типичный рассказ об эмигрантской борьбе за достижение карьеры, славы, положения и богатства: в данном случае все было иначе. Не стремилась я также встре-

титься с известными людьми и знаменитыми умами Америки: жить среди обычных людей всегда было моим предпочтением. Большинство лиц, описанных здесь (часто под вымышленными именами), не известны широкой публике.

Я надеялась, что в Америке смогу вести тихую частную жизнь, как я это привыкла делать в Москве. Жить в стороне от правительства и его агентств, – то есть то, что было невозможно в СССР. Я надеялась жить среди интеллигенции – как это всегда было с моих университетских лет в России. И вообще мне так хотелось жить незамеченной – этого требовала моя замкнутая натура. Возможно, что это было слишком большим требованием к открытому обществу с его свободной прессой. Однако, как бы то ни было, мне часто в различные моменты моей жизни казалось, что я нашла в Америке то, что хотела; нашла лишь для того, чтобы через минуту потерять вновь.

Оглядываясь назад, на те пятнадцать лет, я вижу это время тесно переплетенным – а не отделенным – со всей моей предшествующей жизнью, а также в тесной связи со всем, что было описано в предыдущих книгах – «Двадцать писем к другу» (детство и семья в СССР), «Только один год» (история коренной перемены, бегства из СССР – из коммунистической идеологии и от моего собственного прошлого). Нет нужды повторять на этих страницах все то, что уже было описано. «Далекая музыка» предлагает дальнейшее развитие истории моей жизни.

Я надеюсь, что замечательные читатели, так хорошо понявшие мои прошлые книги, прочтут и этот рассказ, и, быть может, это побудит их вернуться к уже знакомым страницам, и они попытаются представить себе мою жизнь как целое. Тем, кто мыслит политически, будет трудно увидеть это единство. Но те, кто рассматривают жизнь вне политики и идеологий, возможно, найдут здесь именно то, во что они верят.

Безусловно, я не оставила мир коммунизма, чтобы примкнуть к противоположной политической крайности.

Хотя вначале было очень приятно поддаться искушению и проклинать все, чему меня учили с детства под красным флагом.

Однако со временем удивительная схожесть двух мировых держав – коммунистической и капиталистической – становилась мне все более ясной; к тому же я всегда верила в большое сходство двух великих народов – русского и американского. Со временем я стала все более склоняться к умеренным и более сдержанным правительствам и обществам, не страдающим крайностями советского подавления, с одной стороны, и тотальной свободы всего и вся, с другой стороны. Некий третий путь, – полагала я, – возможно, спасет мир на планете, раздираемой на части враждой двух гигантов. И мир на земле, достигнутый благодаря умеренности в политике, представился мне единственной надеждой для будущего. Но этот вывод не был результатом пятнадцати лет, проведенных в США, – это был результат всей моей жизни, почти что шестидесяти лет. В первые годы в Америке я не думала подобным образом.

Свободный мир, и в особенности великая американская демократия, были уже превознесены почти всеми писателями эмиграции и уж, конечно, всеми перебежчиками из коммунистических стран. И я внесла свою лепту в это превознесение в своей книге «Только один год», абсолютно ослепленная улыбками здоровых дружеских лиц повсюду, где бы я ни появлялась. Роскошь и шик не прельстили меня, просто потому что в эти богатые американские пригороды я попала совсем не из бедности. После многих лет жизни среди американцев, наблюдая все ее проявления, начинаешь понимать многое, что тебя раздражает.

Начинаешь ненавидеть «паблисити» – явление, от которого никому нет пощады: лучшие люди Америки страдают от «свободной прессы» и находят ее вульгарной, невежественной, искажающей правду и глубоко негативной по отношению ко всему. Начинаешь видеть ужасное невежество по отношению к «противнику», – такое же, как в СССР: там – полное невежество в отношении американской жизни. Тут американцев действительно уместно сравнить с русскими. Приемы пропаганды, применяемые обеими враждующими сторонами, стоят друг

друга в своем качестве и служат только распространению предрассудков, порожденных далеко не лучшей частью общества. Милитаристские устремления и пропаганда в Америке поистине столь же дики и полны ненависти, как это можно наблюдать в СССР. Преступления и убийства, столь широко представленные американским кино и телевидением, равны такому же размаху преступности в СССР, с той лишь разницей, что в СССР это замалчивается прессой и искусством. Невежество удовлетворяет оба правительства куда более, нежели просвещенный идеализм, к которому обе страны продолжают лицемерно призывать. И, возвышаясь над всем остальным, созданные человеком арсеналы атомных вооружений обещают смерть не только врагу, но всей планете.

Все эти обстоятельства, не сразу увиденные мною, заставили меня пересмотреть мою первоначальную безграничную идеализацию системы частной собственности. Правительство крайних милитаристов в состоянии уничтожить мир независимо от цвета своего флага: красного или полосатого со звездами. И в восьмидесятых годах нашего века недостаточно только бороться с коммунизмом на всех больших материках и малых островах: совершенно необходимо успокоить военный зуд обоих гигантов и научиться жить, сосуществовать рядом и вместе.

К подобному заключению я пришла постепенно, не сразу. Когда в марте 1967 года в американском посольстве мне сказали, что я могу лететь прямо в США, я была поражена и обрадована. Но, пройдя через пятнадцать лет собственного американского опыта, я смотрю теперь с большей симпатией на менее эмоциональные правительства, чем те два, так хорошо мне известные; мне ближе умеренность более спокойных голов в обеих этих странах-гигантах, – я говорю о СССР и США в равной мере; свои надежды я связываю с рационализмом европейцев и азиатов, а также нейтральных стран – теперь я смотрю в этом направлении в поисках ответа на вопрос: как спасти мир от полнейшего разрушения.

Прожив годы в СССР и в США, хорошо зная эту особую привычку мыслить большими категориями, присущую большим странам, я страшусь того, как похожи друг на друга эти две державы, и того, как они враждебны друг к другу.

Они так похожи, эти две огромные страны, населенные многими народами, имеющие разнообразные климатические условия, соединяющие воедино различные религиозные и культурные традиции, созданные исторической необходимостью выжить, обремененные необходимостью одевать и кормить свое многомиллионное население. Абстрактные «русские» так же нереальны, как и абстрактные «американцы», – это плод воображения и пропаганды обеих сторон. Но внутри этих абстракций действительно существует огромное реальное человеческое сходство двух огромных народов.

«Благословенна жизнь маленькой скандинавской страны!» – сказал однажды некий американский политик, весьма критически настроенный по отношению к своей стране, но также и ее большой патриот. Нельзя с ним не согласиться. В самом деле, жизнь маленькой скандинавской страны куда как благословеннее, нежели жизнь моей Родины, простершейся на семь временных поясов с востока на запад... Куда как легче управлять, скажем, Норвегией. И идея создания атомных вооружений «для защиты от нападения» никогда не родилась бы ни в Швейцарии, ни в Австрии, ни в Швеции. Эта маниакальная идея порождена гигантами – странами, которые я знаю хорошо.

В эти дни я как бы стою на высоком плато и с высоты моего жизненного опыта вижу лучше, чем кто-либо, как опасны обе гигантские страны, чьи народы (недокормленные в СССР и перекормленные в Америке) существуют под властью милитаристов со слабыми мозгами. Я вижу, как абсолютно необходимо вмешательство холодного разума миротворцев и посредников для того, чтобы приблизить и гармонизировать два противоположных лагеря, чья политика основана на эмоциях, большей частью негативных.

Между прочим, моя точка зрения не возникла так вот, вдруг. Еще в 1967 году в моем объяснительном заявлении, написанном в посольстве США в Дели, несмотря на тогдашние

мои запинки и поиски английских слов, мне удалось ясно обрисовать свою точку зрения. Индивидуалистка из Кремля, никогда не занимавшаяся политикой, я написала тогда: «... Я верю в силу интеллекта повсюду в мире, в любой стране. Я верю, что дом может быть где угодно. Мир слишком мал, человечество – это капля во Вселенной. Вместо борьбы и ненужного кровопролития человечество должно работать вместе для всеобщего прогресса... Для меня не существуют капиталисты или коммунисты, а только лишь хорошие люди и плохие, честные или бесчестные. И где бы они ни жили, – повсюду на земле люди одинаковы».

Это никак не было типичным заявлением перебежчика в подобных обстоятельствах, в момент перехода из-за «железного занавеса» в мир свободы. Но я высказала это в состоянии необычайной ясности ума, так как момент был фатальный и говорить надо было коротко и ясно.

Откуда же пришли такие идеи ко мне, прожившей сорок лет в советской изоляции от внешнего мира? Безусловно, из книг, проглоченных за годы учебы, из искусства, из поэзии, из музыки, из религии, к которой я только недавно пришла, из университетского объема гуманитарных наук и, конечно же, от моих дорогих друзей из московской интеллигенции. Потому что Москва, дорогой читатель, состоит не только лишь из Кремля и из КГБ, как утверждают некоторые писатели-диссиденты перед американской и европейской публикой. Москва – как и вся остальная Россия, – не раз рождала и продолжает рождать умы необычайной глубины, души истинной духовности, которым близки идеи глубокого братства людей. Академик Сахаров, создавший водородную бомбу, заявил впоследствии, что все атомные арсеналы должны быть уничтожены. Оппенгеймер говорил то же самое в Америке. Одинокие в своем высоком мышлении, теперь они оба почитаемы миллионами последователей во всем мире.

С удивлением вижу я сегодня, что на самом деле я не одинока на земле. И хотя я никогда не маршировала на улицах «за мир» – ни в СССР, ни в США, ни в Англии, где мы живем сейчас, по существу я принадлежу к самому широкому движению, обнимающему все народы, все страны, – к движению за мир, к которому правительства все более прислушиваются. Они еще не подчинились ему, но и это придет.

После многих лет одиночества и разочарований, вызванных личными причинами в США, я вдруг вижу себя, как песчинку на берегу, как каплю в море, среди миллионов мне подобных, и мои слова лишь повторяют то, что поет весь хор. Так вот куда вела меня далекая музыка, и, по-видимому, не только меня. Вот что отбивали палочки моего – иного барабанщика, когда он звал в поход, но не на войну. Вот о чем был его марш.

* * *

И вот, дорогой читатель, когда мое фатальное заявление было направлено послу США в Индии и начало двигаться по лестнице дипломатической субординации к Вашингтону, я ничего не заявила насчет «политического убежища в США» – так как этот легальный термин мне не был в то время известен. Я познакомилась с подобной терминологией позже, уже находясь в США. А в тот роковой момент я просто решила по наивности, что каждый, переступивший порог иностранного посольства, будет принят в данную страну. Или – в противном случае – будет возвращен в Советский Союз. Я сознавала эту страшную возможность вполне серьезно и думала о ней все время – пока наконец не была принята (после остановки в Швейцарии) в Соединенные Штаты. Только тогда этот страх покинул меня.

Но вполне представляя себе подобную наихудшую возможность (какой-нибудь «обмен»), а также хорошо зная образ мышления советского правительства, я не могла сейчас выбирать, настаивать, требовать что-либо у моих новых покровителей. Я не могла себе позволить оценивать то, что происходило.

Тем временем моя рукопись «Двадцать писем к другу», находившаяся при мне в Индии, была взята на просмотр и передана, страница за страницей, не известным мне техническим методом, прямо в Госдепартамент в Вашингтоне, где шесть ее копий были розданы различным специалистам по советским делам для того, чтобы определить ее качество.

Затем я была быстро выдворена из Индии, чье правительство, вполне возможно, могло бы отправить меня домой в Москву. И пока я в буквальном смысле висела между небом и землей – в самолете где-то между Дели и Римом, – несколько правительств в бешеном темпе решали вопрос, как бы так вывернуться, чтобы Москва не была слишком оскорблена; как в то же время сохранить собственное достоинство; и как, по возможности, обезвредить этого странного перебежчика. Без сомнения, в тот момент существовали подозрения, что дочь может начать действовать подобно своему отцу, который умел выигрывать на международной арене: хитрыми, непредвиденными путями, ошарашивая своих вежливых, цивилизованных оппонентов. Оглядываясь назад, на те дни, я вполне понимаю страхи, мучившие даже посла Честера Боулза, наиболее человеческого из всех, кто принимал участие в этих событиях, и буквально спасшего меня тогда. Они все могли подозревать наихудшее.

И вот после некоторого размышления и задержки Государственный департамент решил «сбросить» меня на маленькую Швейцарию (с ее согласия), пока в американской прессе бушевала буря. В печати были высказаны протесты, раздавались призывы не позволять мне ступить на «священную землю Америки». Джеймс Рестон подытожил официальную точку зрения в «Вашингтон пост» в статье, озаглавленной «В другой раз, Светлана!». Русские эмигранты ожесточились больше всех и требовали, чтобы меня «отправили обратно в Советскую Россию».

Но в те дни я ничего этого не знала, и никто мне об этом не сообщал. Я лишь несколько удивилась перемене настроения, так как вначале американская виза была поставлена в моем советском паспорте, которым меня снабдили в Москве для поездки за границу. Но позже, когда мы приземлились в аэропорту да Винчи в Риме, мне сказали, что мы «должны обождать», так как что-то переменялось в Вашингтоне. Еще чуть позже, уже в Швейцарии, специальный эмиссар Государственного департамента приехал поговорить со мной, и я вдруг снова стала вполне приемлема для въезда в США. И вовсе не в какой-то «другой раз», а сейчас, прямо через две недели!

Моя голова кружилась, все плыло, как в тумане. Ландшафт быстро сменялся один за другим: Дели, Рим, швейцарские Альпы, а мне все еще не верилось, что все это наяву и что меня не отсылают назад в Москву...

А когда почтенные адвокаты из Нью-Йорка, с Мэдисон-авеню, приехали в Швейцарию, чтобы обсудить со мной издание моей книги, когда вдруг все это стало реальным, я была ошеломлена окончательно.

Разговоры на юридическом языке о «фондах», «завещаниях», «правах», деньгах, о доверенности адвокатам и прочих подобных вещах, были для меня китайской грамотой. Советский гражданин ничего не знает об этих вещах, и, даже если бы на этих переговорах присутствовал переводчик, он тоже ничем не смог бы мне помочь.

Совершенно вслепую, без малейших возражений я подписала все, что меня просили подписать, абсолютно не подозревая в то время, что я тем самым отказывалась от прав на собственную книгу и от всех прав, которыми обладала как ее автор. Что тем самым я отрекалась от всякого контроля над собственной жизнью на вполне продолжительное время; что теперь мои адвокаты будут принимать решения за меня и для меня – даже в отношении этой безумной «паблисити», то есть это они, а не я будут решать где, когда и что я буду говорить. (Заявление было подготовлено, чтобы прочесть его по приезду в США.) И я должна заметить, что адвокаты не потратили ни минуты, чтобы попытаться объяснить мне все эти юридические соглашения и документы.

С облегчением и бесконечной радостью я узнала, что меня не отсылают назад в СССР. И обученная моей советской жизнью подчиняться, молчать и не спорить со старшими, я безоговорочно принимала теперь все, что мне говорили, предлагали и на что мне указывали американцы. Несомненно, что мое «кооперирование» всем очень понравилось, и я видела вокруг улыбающиеся лица. Я ничего не понимала, кто кому платит, сколько заработают адвокаты на продаже прав на мою книгу по всему миру. Я просто плыла, не делая никаких усилий, на волнах сумасшедшего «американского успеха» – от одного интервью к другому, искренне веря, что, по-видимому, это принято в Америке...

И прошло много времени, дорогой читатель, годы и годы, прежде чем я поняла наконец, что даже в Америке это совсем не всегда так; и что в моем случае совсем не было необходимости все делать, как это было сделано.

Кроме того, я полагала, что мой приезд в США, – это приезд человека, который собирается «жить в Америке». Мне никто не сказал, что мне была выдана лишь туристская виза на шесть месяцев (позже она была продлена). Таким образом, политический факт моего «дефекторства» из СССР в глазах публики превратился в «международное путешествие» дамы, которая захотела после поездки в Индию «... издать свою книгу в Нью-Йорке». По крайней мере, именно это было сообщено американской публике.

Сентиментальный идеализм, которым я страдала в те времена, нашел достойное и щедрое отражение на страницах «Только одного года», истории необыкновенного года 1967, приведшего меня из СССР через Индию в Соединенные Штаты; года, от которого началось для меня новое летосчисление. Откройте те страницы, дорогой читатель, чтобы узнать, как чувствуют себя перебежчики, только что принятые в Америку! Это был водоворот событий, лиц, огней, все как в тумане, без возможности сосредоточиться, подумать, принять разумные решения, понять, кто был кто...

Никто и не ждал от меня решений. Они были сделаны за меня, соответственно с двумя доверенностями на имя моей адвокатской фирмы, которые я подписала. Я не жалею о том, что работавшие для меня в те дни люди были счастливы. Но я сожалею о том, что им ни разу не пришло в голову, сколько несчастья они привнесли в мою будущую жизнь в Америке, сделав меня «знаменитостью», выставив меня напоказ во всем этом блеске и мишуре, подав повод для спекуляций о «миллионах», заработанных на публикации книги. Американцы так никогда и не узнали истинную историю о тихой девочке, воспитанной в занятиях и работе в ее советском заточении. Вместо этого им была предложена версия, соответствующая пропаганде и предрассудкам, о «кремлевской принцессе», якобы решившей «вновь попользоваться хорошей жизнью, после того как ее отец умер и ее роскошная жизнь в СССР окончилась». Немудрено, что многие отвернулись от меня и от моей книги, в особенности русская эмиграция.

Да, мне довелось узнать многое, в том числе и хорошие отрезвляющие уроки, в последовавшие за моим побегом годы. Моему поколению, которому не дозволено было путешествовать за границу, свойственно было идеализировать Америку. И эта идеализация должна была уступить место трезвым оценкам. В конце, – оглядываясь назад из сегодняшнего дня, – я, наверное, должна быть благодарна за все «обучение», которое я прошла здесь. На этот раз моим учителем была жизнь, а не книги, не университетские лекции.

... А далекая музыка продолжала звучать, слабо, но непрерывно. Она требовала, чтобы я жила все эти годы посвоему. Она вела меня от мишурных первых лет к нормальному образу жизни, свойственному мне даже в те далекие времена, когда мой отец был главой государства.

Далекая музыка пела мне, что надо верить в хороших людей. И как-то само собой хорошие люди появлялись, где бы я ни жила. Спустившись вниз от статуса «знаменитости» на уровень домохозяйки из маленького городка, я нашла в этой среде много добрых друзей, часто соседей на той же улице. Я опять была разведенная мать-одиночка, чего я совершенно не ожидала; но, по-видимому, это определено было судьбой. С поздним материнством возникла необ-

ходимость и самой переучиваться, чтобы воспитывать дочь в американской культуре. И это «образование» было получено мной не из книг, а часто добыто своими руками и опытом. В общем, это было хорошо, но трудновато и несколько поздно в мои за пятьдесят.

Но эта жизнь матери и домохозяйки познакомила меня с Америкой ближе, чем все остальное, а американский образ жизни стал моим образом жизни с поразительной легкостью. Возможно, потому что это наиболее легкий и комфортабельный образ жизни: американская домохозяйка – самая избалованная женщина в мире, и так же избалованы ее дети.

Интеллектуальные и художественные круги Америки, за редким исключением, не приняли меня в свою среду. Возможно, их отвратила вульгарность, окружавшая меня в первое время моей жизни в Америке. Но это не было моим решением: статус знаменитости не был моим выбором.

Все годы, проведенные в Америке, я тосковала по компании моих друзей – прекрасных артистов и интеллигентов, которых я знала в Москве и Ленинграде. По тем, кто всегда видел меня отдельно от моего отца и понимал меня как человеческое существо. Как мне хотелось и тут, в Америке, находиться среди подобных же людей, высокообразованных – но у меня не было к ним доступа. Мне так не хватало интеллигентных друзей и знакомых, вероятно, еще и потому, что я никогда не была хорошей домохозяйкой. Я стала ею лишь в американском пригороде, и это было не лучшим из моих перевоплощений.

Может быть, не стоит жаловаться на это. Свой дом и моя девочка требовали моих забот, но и поддерживали меня внутренне. Сама жизнь приносила мне немало утешений среди повседневных домашних хлопот. Это были моменты спокойствия и счастья среди простых вещей и простых забот дня. Я полюбила свой маленький собственный дом, мой маленький сад – чего у меня никогда ранее не было; работая здесь целый день, я познала необычайное удовлетворение, которое может дать простая жизнь, удовлетворение, которого я раньше не знала. Мы путешествовали по стране на машине с моей маленькой дочерью, мы поистине росли вместе, и я училась новой жизни вместе с нею.

Из-за моего внутреннего отвращения к собственному прошлому я никогда не учила ее русскому языку, ни одному слову; мне хотелось, чтобы она чувствовала себя стопроцентной американкой. И, в самом деле, такой она и росла. Процесс роста моей дочери и ее воспитание в конце концов помогли мне почувствовать, что Америка – это наш дом. И после долгих десяти лет ожидания натурализация и американское гражданство были естественным шагом для меня.

В течение тех лет я незаметно возвратилась к самой себе от неестественного для меня статуса знаменитости. Мне всегда было свойственно жить одной и заниматься воспитанием детей. Как неизбежно повторился опять тот же самый круг! Внутренне я мало изменилась, по-прежнему сохраняя любовь к морским побережьям, к камерной музыке, к горящим каминам, к хорошим фильмам. Я приняла Америку как свою, так же как ранее я приняла Индию, и поместила ее в своем сердце вместе с Россией и Грузией. Конечно же, не о правительствах я говорю, а о незначительных хороших людях, о красоте и величии природы, о всем том, что объединяет людей повсюду на земле.

Глядя на Америку сегодня, я вижу ее такой, как описал ее Владимир Набоков в «Лолите» – так точно и хорошо: «... прекрасная, доверчивая, мечтательная, огромная страна».

Я полюбила эту страну и ее доверчивых, мечтательных, щедрых людей, всех тех, кто живет, любит, растит детей, а не увлечен смертельной игрой в политику. Друзей и земляков моей младшей дочери.

*Светлана Аллилуева
Кембридж, Англия. 1983*

Прекрасная и доверчивая 1968–1970

В середине июня главная улица Принстона в штате Нью-Джерси выглядит приятной и солнечной. Ежегодный парад выпускников университета закончился на прошлой неделе, но в городе все еще было полно бывших студентов всех возрастов, от двадцати до восьмидесяти, одетых в разнообразные костюмы, соответственно с годом окончания. Уже становилось жарко и душно, как обычно в это время года, но ходить пешком было все еще приятно.

Молодой человек, походивший больше на школьника, быстро обогнал меня и остановился прямо передо мной. «Я вас знаю! – выпалил он. – Все ваши фотографии просто ужасны. Вы совсем не похожи на себя».

На мне было дешевое платье из местного магазина и сникерсы на босу ногу. Что ему нужно? Чего он хочет? Мне был симпатичен этот мальчик в роговых очках с сильными линзами.

«Я сделаю ваш хороший портрет, если вы согласитесь посидеть. Согласны? Я – фотограф, серьезно занимаюсь фотографией. Я вам принесу свою коллекцию работ!»

«Хорошо, – сказала я. – Конечно!» Я сама когда-то занималась фотографией, проявляла, печатала, все делала сама. «Приходите ко мне, и, если ваш портрет будет удачным, я помешу его на обложке моей новой книги».

«Правда? – спросил он. – Тогда я скажу своей маме».

Несколько встревоженные родители позвонили мне по телефону и представились. Отец был инженером со многими патентованными изобретениями. Он был заинтересован. Мать была озабочена. Я заверила их, что мои намерения вполне серьезны.

Коллекция работ мальчика была очень хороша. Восемнадцатилетний юноша – он выглядел пятнадцатилетним – обладал острым, наблюдательным глазом, черно-белые фотографии были отличными. Родители сознавали, что он должен серьезно заняться фотографией, он уже был принят в Технологический институт в Рочестере. Мой фотограф был очень маленького роста, и, если бы не его уверенный, зрелый глаз профессионала, казался совсем ребенком. Я вполне понимала беспокойство его матери.

Мы сидели все вместе на солнечной террасе дома, который я снимала в Принстоне и где писала тогда свою книгу о бегстве из СССР «Только один год». Кристофер шелкал аппаратом, пока я разговаривала с его родителями. Это была очень приятная, совсем не формальная встреча. Я говорила им, что действительно мне нужна была хорошая фотография, и рассказала им смешную историю, как я позировала известному нью-йоркскому фотографу Филипу Хальсману.

Это была безнадежная попытка снять меня в его громадной мастерской, настолько неудачная, что он даже не показал мне первые снимки. У Филипа Хальсмана был свой метод: вы должны говорить о чем-то крайне важном для вас, и тогда вся ваша внутренняя сущность обнаружится и будет зафиксирована в портрете. Но как быть, если вы больше всего любите молчать?

Мне не хотелось опять разговаривать в тот день, опять эти интервью – теперь его жена задает мне надоевшие вопросы... Я была напряжена, раздражена, мне было не по себе.

Друг Хальсмана, присутствовавший при съемках, также пытался помочь мне «раскрыться», но он заморозил меня окончательно. Друг этот был не кто иной, как художник Сальвадор Дали, и его эксцентричный вид и странные истории, которые он излагал передо мной, никак не способствовали моему «самораскрытию». Разочарованный Хальсман написал мне

позже, что я «не раскрылась». Возможно, что и так. А почему я должна это делать по указу, для других? Мы больше не встречались.

А тут мы болтали на летней террасе, и так естественно было расспрашивать эту пару об их детях, а я рассказывала им о моем сыне и дочери в СССР. Мы стали друзьями и впоследствии переписывались много лет. Фотографии получились прекрасные, и я послала одну из них в издательство «Харпер энд Роу». Осенью 1969 года, когда «Только один год» появился в продаже, фотография, сделанная Кристофером, была на обложке. Некоторые европейские издательства также взяли ее. Мать Кристофера пошла в издательство обсуждать оплату работы ее сына. «Он ничего не понимает в этих делах!» – сказала она. Кристофер получил заказы на портреты других авторов.

То были мои счастливые, лучшие годы в Америке.

Я стала, действительно, писателем и работала над новой книгой с энтузиазмом и с вдохновением. Мой собственный план заключался в том, чтобы описать тот год – 1967 – невероятный год перемены. Возможно, мне следовало бы озаглавить книгу «Год перемены». Но я также хотела сказать, как много всего случилось только в один год. Сконденсировалось только в одном году. Если бы мне удалось сделать книгу такой, как я этого хотела, она была бы лучше: в ней было бы меньше пропаганды, меньше политической риторики и больше человеческих деталей.

Я многое повидала в тот год, и это должно было быть детально описано. Увы, советовавших было более чем нужно, и все они были более опытными писателями, чем я, и их авторитет подавлял меня. Однако глава об Индии получилась такой, как я хотела, потому что никто особенно не беспокоился об Индии. Эта глава и есть самая лучшая в книге.

Я все еще писала тогда по-русски, это был единственный язык, на котором я думала, видела сны, считала. Я могла тогда писать только по-русски, обычно сидя на террасе, на низкой табуретке перед моим швейцарским Гермесом, босиком, в шортах и майке. Воздух лета наполнял аромат свежестриженных газонов. Моя хозяйка – музыковед – уехала путешествовать вокруг света, собирать колыбельные песни на разных языках. Свой дом она оставила мне вместе со всем имуществом, а также вместе с полотером-негром и садовником-итальянцем.

Негр начал сейчас же жаловаться на свою жизнь, и вначале я слушала его с состраданием. Но когда выяснилось, что у него трое детей в колледже, что у него дом и машина – о чем все еще мечтают врачи и учителя в СССР, – я перестала его слушать. Пусть бы он попытался жить в какой-нибудь другой стране! Может быть, тогда он бы перестал жаловаться.

Садовник-итальянец жаловался на жизнь тоже. Он говорил, что в Италии он был учителем, но в США не смог найти работу и стал садовником, чтобы поддерживать семью. «Приходите к нам в гости, мы живем недалеко, – сказал он. – Моя маленькая Тереза скоро получит свое первое причастие».

Мне было любопытно, и я пошла. Угощали обильной едой, макаронами, мясными фрикадельками и наконец – зайцем. Красное кьянти помогало проглотить все это изобилие. Тереза была крошечная девочка с печальным личиком, как у отца. Ее мать была женщиной колоссальных размеров. Двое сыновей обычно помогали отцу подстригать лужайки в Принстоне.

Вскоре настал день подумать и о собственной машине. Мои братья научили меня ездить, когда я была еще школьницей. Они обучали меня на лесных дорогах за городом, по секрету, так как боялись, что наш отец, узнав об их собственных машинах, отнимет их как «излишнюю роскошь». А когда я уже была взрослой с двумя детьми, отец настоял, чтобы я купила себе машину и показала бы ему мои водительские права. Он как-то не верил, что молодая женщина могла водить машину, а он – нет. Удостоверившись, что я справляюсь с этим делом, он дал мне денег на покупку машины и заметил, что я должна «сама покупать бензин. Чтобы не тратить государственные деньги на шоферов!». Это было лето 1952 года.

Здесь в Америке я выбрала обычный незаметный «додж», чтобы легче было ремонтировать, если нужно, в любой мастерской. Я мечтала когда-нибудь отправиться в поездку через всю страну на машине, взяв только собаку, совершенно одна. Собака и машина были пределом моих мечтаний о собственности в те дни. Несмотря на большие деньги, где-то в Нью-Йорке, положенные в банк на имя моей адвокатской фирмы, мне никогда не приходило в голову отправиться покупать меха, бриллианты или хотя бы хорошую, дорогую одежду. Меня вполне удовлетворяло то, что я покупала в местных магазинах. По сравнению с готовой одеждой в СССР это было очень хорошо! И мой вкус оставался весьма консервативным, – я не знала ничего иного.

Отец Кристофера, молодого фотографа, предложил помочь мне выбрать автомобиль на огромном рынке в Ленгхорн (Пенсильвания), так как, безусловно, я не смогла бы выбрать сама хороший мотор.

Мы провели там около шести часов, измучившись, просмотрев многие ряды разнообразных машин, и остановились на четырехдверном «седане» бутылочного цвета. Кондиционер я считала ненужной прихотью и сэкономила на этом. Мы приехали на машине домой, и долгое время я просто сидела и смотрела на нее, обожая свою покупку. Темно-зеленая снаружи и черная внутри, она больше подошла бы пастору. Но я еще не научилась жить с яркими красками, характеризующими американскую жизнь. Для меня это был прекрасный автомобиль, который служил мне десять лет, пока я не обменяла его на другую модель «доджа».

Теперь мне нужно было получить права. Я начала практиковаться с автоматическим переключением скоростей. Это заняло некоторое время. Сын садовника-итальянца согласился учить меня. Он отнесся к этому очень серьезно, и мы практиковались в его машине на проселочных дорогах Нью-Джерси. После этого я прошла испытание в Трентоне и вернулась домой с правами и на седьмом небе от счастья: я могла теперь ехать одна куда угодно!

«Так куда вы поедете?» – спросил отец Кристофера. Он к этому времени помог мне также купить портативный радиоприемник RCA и портативный (черно-белый) телевизор этой же марки.

«Ну, я просто поеду куда-нибудь по сельским дорогам, в лес или в поля, чтобы гулять, собирать полевые цветы... Никуда в особенности. Машина делает меня свободной. Я люблю ехать одна и слушать радио, музыку». – «Вы любите независимость», – заключил он. Должно быть, он был прав.

Его жена учила меня премудростям хозяйек: как тратить меньше денег. Покупать только в периоды распродажи и в более дешевых супермаркетах. Покупать большие количества, так как это обходится дешевле, чем когда делаешь много мелких покупок. Но я не смогла следовать ее добрым советам. Мне нравились маленькие лавочки Принстона, куда я отправлялась всякий раз, когда мне было что-нибудь нужно. Это было дороже. Но супермаркеты были отвратительны, а здесь, в местной лавке, можно было остановиться и запросто сказать «хэлло» продавщице, как правило, хозяйке. В маленькой лавочке с вами разговаривают.

Потом я открыла для себя огромные площади с магазинами, целые «города торговли» с переулками и фонтанами под крышей, с ресторанами, чтобы перекусить и продолжать покупки... Выходишь из этого «города закупок», перегруженный ненужными пакетами, потратив все деньги, и долго ищешь свою машину, затерявшуюся где-то на стоянке размером с футбольное поле. Позднее я сама покупала только в таких супермаркетах, вынужденная рационально экономить. Но в первые годы в Америке, еще только привыкая к нормальной жизни после всех шоков и перемен, я наслаждалась маленькими лавочками.

В хозяйственном магазине миссис Уркен можно было найти все, что вам могло когда-либо понадобиться. Миссис Уркен – небольшая, полная темноглазая женщина с распухшими щиколотками от многочасового пребывания на ногах – всегда находила нужную вещь. У нее в лавке было собрано поразительное количество разнообразных товаров, нужных в хозяйстве.

Но самым замечательным в ней была все же сама хозяйка. Она знала каждую семью в городе в течение многих лет и, казалось, предвидела, за чем могут прийти люди. Едва лишь покупатель открывал рот, она уже устремлялась к своим полкам и закоулкам и вскоре находила нужное. Я видела, как она проделывала это с каждым покупателем – без исключения. Почти все жители этого городка шли к миссис Уркен. Исключение составляли лишь студенты, покупавшие в более дешевом «Вулворте».

Меня миссис Уркен встретила приветливо, познакомила со своим сыном, помогавшим ей в лавке, и я сразу же поняла, что буду часто навещать сюда: на первый раз мне был нужен длинный шнур для телевизора. Она спросила, где я живу, и по тому, как она кивала головой, я поняла, что она знает мою хозяйку, а также моих соседей.

Миссис Уркен была не просто владелицей лавки. Она старалась быть другом каждому и всем помочь. После всех моих «миграций» – в Аризону, в Калифорнию – я всякий раз возвращалась в Принстон и через несколько дней приходила к ней, встречаемая здесь не любопытством, а желанием помочь. «Ну-с, где вы теперь живете?» – следовал ее вопрос, и юмор светился в глазах. И прежде чем я могла произнести: «Ах, миссис Уркен, мне надо начинать все сначала, с помойных ведер!..» – она уже вела меня к нужной полке. «Сюда, сюда. Я сейчас покажу вам, что у нас есть».

Как только я устроилась в своем первом снятом доме, зашла соседка, представилась и пригласила меня на коктейль с другими соседями. Почему бы и нет? Я с радостью согласилась. В те дни все было для меня новым и интересным – в Москве мы не знали коктейлей. И я пошла, и попала в большую компанию веселых, приветливых людей. Только значительно позже я научилась определять социальную группу человека по его внешнему облику; тогда же я не знала, что передо мной были весьма богатые принстонцы. Просто их дом показался мне очень красивым, сад был весь в цвету, и я полагала, что, наверное, все американцы живут именно так.

Над камином висели портреты довольно хмурого бородатого старика и старухи в чепце с кружевами. Хозяйка сказала, что это ее дед и бабка, оба – квакеры. Я немного знала о Вильяме Пенне и квакерах, но кто мог предсказать мне в тот день, что впоследствии моя младшая дочь, рожденная в Америке, будет учиться в квакерской школе в Англии?... Те два старых портрета не были забыты. Я вспоминала их как символы в следующие годы, они обозначали суровые добродетели американского пуританизма. Мне всегда было неловко, оттого что я не знала еще многого об этом новом для меня обществе со столь многими идеологиями, религиями, обычаями и чертами.

В те дни меня все время приглашали на обеды, ленчи, коктейли. Я часто встречалась там с протестантскими священниками различных деноминаций – нечто новое для меня, знавшей лишь о православных христианах, да немного о католиках, встреченных в Швейцарии. Здесь же пасторы – епископалы и пресвитериане со своими элегантными женами – веселились со стаканом вина в руке. Они совсем не походили на длинноволосых проповедников в рясах, которым прихожане обязаны целовать руку. У них были семьи, дети, и они могли говорить на любую светскую тему. Позже я подружилась с двумя семьями священников-епископалов в Принстоне. Католиков этого города я встретила намного позже. Местный доктор, нашедший у меня повышенное давление, заодно показал мне город и футбольный стадион университета. Однажды он остановил машину возле красивого современного здания в лесу, среди деревьев и лужаек. Это была католическая школа Святого Сердца, куда этот доктор намеревался послать своих дочек. Сам он был активным членом местной синагоги. Я любовалась школой и размышляла об этой необыкновенной терпимости религий. Через четыре года, вернувшись в Принстон из Аризоны с маленькой дочерью, я определенно решила отдать ее в эту школу. И директриса сказала мне тогда, что нет абсолютно никаких причин препятствовать этому.

Вскоре я встретила с известным теологом русского православия о. Георгием Флоровским и его милой, маленькой остроумной женой Ксенией Ивановной. В те годы отец Геор-

гий читал лекции в Принстонской семинарии. Он посвятил меня в сложные взаимоотношения внутри русской церкви, к которой я принадлежала по крещению в Москве в 1962 году. Однако в Америке и в Европе русское православие раскололось на два враждебных лагеря на почве политики, а не догматов веры. Так, Русская зарубежная церковь молилась ежедневно за восстановление монархии Романовых на Святой Руси, а более современная Американская православная церковь не настаивала на восстановлении монархии Романовых и даже терпимо относилась к Московскому патриархату – «советской церкви», находящейся под контролем советского правительства. Политические разногласия на этой почве раскололи всю русскую эмиграцию. Мудрого старого о. Флоровского хотели заманить на свою сторону все, поскольку он был авторитетным богословом, но он стоял в стороне от распрей. «Я – под патриархом Афинагором!» – заявлял он, что по существу не могло вызывать никаких возражений. Патриарх Афинагор был главой всех четырнадцати православных церквей мира.

Оказалось, что в Принстоне не было русской церкви, но были украинская и греческая в Трентоне. О. Георгий служил часто на кампусе для студентов в маленькой, отведенной для этого комнате, куда я и приходила несколько раз. Но я не «церковная» по натуре и хожу в церковь только тогда, когда чувствую особый «зов». Тогда я иду в любую церковь любой деноминации, и это, конечно, «ересь».

Особое благословение и благодать заключались в приглашении домой к о. Георгию, где матушка Ксения Ивановна всегда накрывала обильный стол. Их образ жизни был поистине христианским – любвеобильным и простым. Я уверена, что негр, натиравший полы в нашем доме, этот жалобщик, жил куда лучше, чем Флоровские. Квартирка на втором этаже, маленькая гостиная, в которой на полках стояли разные фигурки, сувениры, всевозможные подарки от почитателей о. Георгия. На стенах висели картины, написанные самой Ксенией Ивановной (она, правда, была далеко не Рафаэль), вперемешку с почтовыми открытками, календарями православной церкви, иконами – от дешевеньких до хороших. А в углу – лампадка из красного стекла с вечно поддерживаемым огнем.

Флоровские жили в полном соответствии с христианской любовью и моралью, умудряясь избегать склок и ссор, которых в избытке в жизни русской эмиграции. В маленькой спальне – две узких кровати стояли раздельно, лампадка горела в углу, а вокруг тоже подарки, картинки – все это они не могли выбросить, так как кто-то когда-то подарил им эти вещицы. Им и в голову не приходило думать о «хорошей» мебели или о том, как они одеты. Дружить со всеми было куда важнее для них.

Однако личная библиотека профессора Флоровского была уникальна, и он завещал ее Принстонскому университету. Его обширный кабинет был заполнен книжными полками с книгами и старыми журналами. Его часто можно было видеть на главной улице Принстона в длинной черной рясе, в маленьком черном берете, контрастировавшем с его белой бородой, толкавшим впереди себя (или же тащившим позади) нечто вроде детской колясочки, наполненной книгами. Так он курсировал между своим домом и библиотекой университета.

Очень застенчивый, Флоровский мало говорил, доверяя это своей супруге, умной женщине с хорошим чувством юмора и даже сарказма, однако такой же доброй, как и он. Они поженились еще в России, в ранней юности. Она тогда была студенткой-биологом, а он – историком. Вскоре Флоровский был рукоположен. Позже, став известным теологом русского православия, о. Георгий легко мог бы стать епископом, но никогда не стремился к этому. Ему нужно было бы тогда принимать участие в церковной политике, поддерживать одних против других, чтобы получить их поддержку взамен. А ему не хотелось этого. И, потому что Флоровский был человеком не от мира сего, его легко столкнули с поста ректора православной семинарии св. Владимира его более молодые и политичные оппоненты. Тем не менее, Флоровский был по-прежнему любим и уважаем. Только его книги постепенно исчезали из Каталога русских книг, издаваемых вне России, – по-видимому, под напором его молодых учеников.

Через несколько лет Флоровские отпраздновали в Принстоне свою золотую свадьбу и вскоре отошли в лучший мир один за другим.

Ксения Ивановна была замечательной поварихой, память об ее обедах осталась навсегда. Ее стол нужно было видеть, а не только вкушать. О. Георгий обычно начинал с маленькой стопки охлажденной водки с последующим кусочком селедочки. Матушка же только пригубляла немного легкого немецкого белого вина, но уже позже, с едой. Благородным женщинам в России не полагалось глотать водку, это был мужской напиток. Времена, однако, заметно переменялись.

Меня представил Флоровским мой хороший друг, профессор Принстонского университета Ричард Бёрджи. Католик ирландско-немецкого происхождения, он прекрасно владел русским языком, который начал изучать от нечего делать, когда служил в армии. Позже его интерес к русской культуре и русскому православию углубился. Несколько лет спустя он с такой же легкостью овладел греческим. Ричард был очень добр и внимателен ко мне и познакомил со многими интересными людьми в Принстоне и в Нью-Йорке. Но сколько меня ни уговаривали, я никогда не хотела преподавать русский язык – что все дамы эмиграции делают независимо от своей квалификации и достигают даже полного профессорства. Профессор Бёрджи взял меня в свой класс, чтобы показать, «как это легко учить своему языку». Однако я не педагог, а вечный студент по натуре. С моим дипломом Московского университета и кандидатской степенью в русской литературе я могла бы стать педагогом много лет тому назад. Но мне никогда не хотелось этого, я мечтала писать.

Теперь здесь, в Америке, после публикации моей первой книги я работала над второй и была счастлива. Это было нечто мое собственное, путь, который я могла теперь продолжать.

Бесчисленные письма от моих читателей со всего мира подбадривали меня в этом, и я даже не очень огорчалась скептическими рецензиями профессиональных критиков и в особенности историков.

Моя вторая книга была в значительной мере результатом требований моих читателей, ответом на их многие вопросы.

После первой книги семейных мемуаров я писала теперь более политическую книгу о бегстве из СССР, чтобы показать моим критикам, что я была вполне осведомлена о том, что происходило в СССР в годы моего детства, знала о безжалостном режиме моего отца, и что я сама никогда не была среди его обожателей.

На этот раз, после того как я представила первую главу на просмотр, издательство «Харпер энд Роу» подписало со мною настоящий, полноценный контракт. Я получила аванс и связалась с будущим переводчиком. И здесь наступает как раз подходящий момент, чтобы вспомнить, как ненормально было все с моей первой книгой и ее автором всего лишь год тому назад.

* * *

Как я уже упомянула в предисловии, адвокаты фирмы «Гринбаум, Вольф и Эрнст» получили рукопись моей первой книги через Госдепартамент задолго до того, как они встретились с автором. И много раньше, чем я впервые услышала их имя. Адвокатская фирма сейчас же решила передать мою рукопись для публикации своим клиентам – издательству «Харпер энд Роу» в Нью-Йорке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.